

Посвящается Леоноре

Пусть мои мысли долетят до тебя, когда я уйду,
словно отблеск заката на окраине
звездной тишины.
Рабиндранат Тагор

Дарджилинг, Индия
Февраль 2000

Пролог

Анахита

Сегодня мне исполняется сто лет. Я не только прожила целый век, но и встретила новое тысячелетие.

За окном, над вершинами Канченджанга, встает солнце, а я лежу в постели и улыбаюсь своим мыслям. Просто смешно. Будь я, например, изящным креслом, давно считалась бы антиквариатом. Меня бы отреставрировали, отполировали и выставили напоказ, чтобы все могли оценить мою красоту. К несчастью, с человеком такого не сделаешь. В отличие от произведений краснодеревщика наше тело с годами не становится прекраснее. Моя телесная оболочка превратилась в прохудившийся мешок с костями. Вся красота — глубоко внутри: накопившаяся за сто лет мудрость и сердце, которое бьется в такт с чувствами.

Ровно сто лет назад мои родители, как принято в Индии, попросили астрологов предсказать судьбу своей новорожденной дочери. По маминым словам, мне предрекли долгую жизнь, однако в тысяча девятисотом году мама с папой считали, что я проживу в лучшем случае лет шестьдесят.

Раздается негромкий стук в дверь. Моя верная служанка Кева принесла поднос с чаем «Английский завтрак» и кувшинчиком холодного молока. Пить чай по-английски — привычка, от которой я не смогла отказаться за семьдесят восемь лет жизни в Индии.

Я не отвечаю на стук, желая в это особенное утро подольше побыть наедине со своими мыслями. Кева наверняка захочет обговорить со мной события дня и потребует, чтобы я немедленно вставала с постели, торопясь привести меня в порядок, прежде чем начнут съезжаться гости.

Облака над заснеженными вершинами загораются розовым, и я устремляю взор в небеса в поисках ответа на вопрос, который задаю себе каждое утро уже семьдесят восемь лет.

Пожалуйста, пусть это будет сегодня, прошу я богов, потому что знаю: мой сын жив. Всегда знала, с того самого дня, когда увидела его в последний раз. Если бы он умер, я бы почувствовала. Я всегда чувствую, когда уходит кто-то из близких.

На глазах выступают слезы. Я поворачиваюсь к прикроватному столику, где стоит единственная сохранившаяся фотография моего первенца — двухгодовалый херувимчик улыбается, сидя у меня на руках. Этот снимок я получила от своей подруги Индиры вместе со свидетельством о смерти, через несколько недель после страшной новости.

Целую жизнь назад. Мой сын теперь тоже в преклонном возрасте. В октябре нынешнего года он отпразднует семьдесят первый день рождения. Я всегда отличалась богатым воображением, но не могу представить его старым.

Решительно отвожу взгляд от фотографии: сегодня мне положено наслаждаться праздником, который устраивают в мою честь родные. Хотя почему-то именно в праздничные дни, когда я вижу дочь, внуков и правнуков, боль от потери сына становится еще невыносимее.

Все они уверены, что мой сын умер семьдесят восемь лет назад.

— Тебе ведь даже выдали свидетельство о смерти, оставь его покоиться с миром, — со вздохом говорит моя дочь Муна. — Радуйся, что у тебя есть мы.

Прошло столько лет; я знаю, что огорчаю Муну, и, по-своему, она права. Дочери хочется, чтобы мне хватало ее одной, она не понимает, что потерянный ребенок навсегда остается в материнском сердце.

А сегодня все пройдет так, как хочет моя дочь. Я буду принимать поздравления и радоваться, что стала прародительницей такой славной династии. Зачем докучать внукам рассказами о прошлом? Они ездят в быстрых мощных автомобилях, а их дети играют современными электронными игрушками. Им не интересно, что мы с Индирой скакали по горным тропам Дарджилинга

верхом на лошадях, а электричество и водопровод считались роскошью. А как жадно я проглатывала любую самую потрепанную книгу, попавшую мне в руки! Молодежь раздражают истории о далеких временах. Они хотят жить настоящим, как в свое время и мы.

Думаю, большая часть моей семьи не слишком рада необходимости лететь через полстраны в гости к древней старухе, отмечающей сотый день рождения. Впрочем, возможно, я слишком строга к ним. Последние несколько лет я много размышляла о том, почему юные испытывают неловкость, встречаясь со старшим поколением. А ведь мы могли бы многому их научить.

Я догадалась, в чем дело: глядя на наши немощные тела, они видят, что готовит им будущее, понимают, что они, такие красивые и полные сил, когда-нибудь тоже увянут, и не задумываются о том, что получают взамен.

Со временем они научатся видеть то, что внутри, и поймут, что жизненный опыт облагораживает душу, приглушает импульсивность и умиряет эгоистичные мысли. Такова человеческая природа, во всей ее сложности и многообразии. Спорить с ней бессмысленно.

Когда Кева вновь стучит в дверь, я отзываюсь. Она что-то быстро щебечет на хинди, а я потягиваю чай и вспоминаю имена четырех внуков и одиннадцати правнуков.

В сто лет нужно постоянно доказывать себе, что ты еще не выжила из ума.

Внуки, которых подарила мне дочь, добились успеха в жизни и сами стали заботливыми родителями. Они живут счастливо в новой, свободной стране, а их дети пошли еще дальше. По меньшей мере шестеро создали свой бизнес или получили престижную профессию.

Мне всегда хотелось, чтобы хоть один из моих многочисленных отпрысков проявил интерес к медицине, пошел по моим стопам, однако я понимаю, что это эгоистично; нельзя требовать от жизни всего.

Пока Кева ведет меня в ванную и помогает мыться, я размышляю о том, что на стороне моих потомков были удача, хорошая

наследственность и семейные связи. Нашей стране потребуется еще не один десяток лет, чтобы миллионы ее жителей, которые голодают и не имеют крыши над головой, смогли удовлетворить свои основные потребности.

Я долгие годы делала все возможное, чтобы им помочь, однако мои усилия — лишь рябь на поверхности безбрежного океана нищеты и лишений.

Терпеливо жду, пока Кева наденет на меня новое сари — подарок от Муны, и обещаю себе не грустить. Я всегда старалась помогать людям, с которыми свела меня судьба, и мне не в чем себя упрекнуть.

— Прекрасно выглядите, мадам Чаван.

Зеркало подсказывает, что Кева лжет, но все равно приятно. Я провожу пальцами по нитке жемчуга, которую ношу, не снимая, почти восемьдесят лет. Согласно завещанию, она достанется Муне.

— Ваша дочь приедет в одиннадцать, а остальные — часом позже. Где вас устроить, пока не соберутся гости?

Я улыбаюсь, чувствуя себя антикварным креслом.

— У окна, посмотрю пока на свои горы, — говорю я.

Кева помогает мне встать, подводит к окну и усаживает.

— Принести вам что-нибудь?

— Нет, лучше сходи на кухню и проверь, как дела с обедом.

— Хорошо, мадам.

Она ставит колокольчик с прикроватной тумбочки на столик рядом со мной и выходит.

Поворачиваю лицо к солнцу, льющему лучи в большое панорамное окно коттеджа на вершине холма. Греясь на солнышке, как старая кошка, вспоминаю друзей, которые уже отправились в мир иной и не смогут прийти на торжество. Моя лучшая подруга Индира умерла больше пятнадцати лет назад. Признаюсь, это был один из немногих моментов, когда я не смогла удержать себя в руках и разрыдалась. Даже преданность дочери не сравнится с любовью и дружбой Индиры. Несмотря на эгоистичный и взбалмошный характер, она поддерживала меня в самые трудные минуты.

Мой взгляд падает на письменный столик в нише напротив; в запертом ящике лежит письмо из трехсот страниц, которое я написала сыну. В нем — вся моя жизнь. Шли годы, и я боялась, что подробности изгладятся из памяти, станут размытыми и зернистыми, как черно-белая пленка старого немого кинофильма. Если мой сын жив — а я в это верю — и если он меня найдет, я хотела бы рассказать ему о своей жизни, о том, как его любила и как потеряла. Когда я начала писать, мне было около пятидесяти, и я полагала, что могу уйти в любую минуту. Рукопись пролежала в столе почти полвека, никем не прочитанная, ведь сына я до сих пор не нашла. Даже моя любимая дочь не знает, как я жила до ее появления на свет. Порой я чувствую себя виноватой, что не раскрыла ей правду. Впрочем, она, в отличие от своего брата, знает, что такое материнская любовь.

Воскрешая в памяти стопку пожелтевших листков, я прошу богов дать мне знак. Нельзя, чтобы после моей смерти, которая уже не за горами, рукопись попала в чужие руки. Может, просто попросить Кеву сжечь бумаги?

Нет, я по-прежнему надеюсь найти сына. В конце концов, я дожила до ста лет, а вдруг доживу до ста десяти? Вот только кому доверить письмо?

Я мысленно перебираю всех членов семьи, прислушиваясь к себе, и останавливаюсь на одном из правнуков. Ари Малик, первенец моего старшего внука, Вивека. Когда по позвоночнику поднимается дрожь — знак свыше, от тех, кто понимает гораздо больше меня, я улыбаюсь. Ари — единственный в нашей семье, кому достались голубые глаза. Не считая моего любимого потерянного ребенка.

Я стараюсь вспомнить, где он живет и чем занимается. Это не просто — у меня одиннадцать правнуков, которые живут в разных городах, и я редко их вижу.

Вивек, отец Ари, — самый обеспеченный из моих внуков. Он всегда был умным, хотя немного медлительным. Вивек стал инженером и в состоянии обеспечить жене и троим детям все самое лучшее. Ари получил образование в Англии. Он с детства отличался множеством талантов, только вот не помню, чем занялся

после школы. Сегодня присмотрюсь к нему внимательнее. И обязательно узнаю, верна ли моя догадка. Приняв решение, я успокаиваюсь, прикрываю глаза и позволяю себе вздремнуть.

— Где же Ари? — прошептала Самина мужу. — Просила ведь не опаздывать! — взволнованно добавила она, оглядывая толпу собравшихся в гостиной родственников, осыпающих виновницу торжества подарками и комплиментами.

— Не паникуй, Самина, — успокоил жену Вивек, — сейчас будет.

— Он обещал, что встретит нас на вокзале в десять часов, чтобы прийти на праздник вместе, как все нормальные семьи. Клянусь, Вивек, этот мальчишка не уважает семейные ценности, и я...

— Тише, дорогая, он хороший мальчик, просто очень занят.

— Ты думаешь? — спросила Самина. — Я что-то начинаю сомневаться. Каждый раз, когда я звоню ему по городскому телефону, мне отвечает новый женский голос. Знаешь ведь, что такое Мумбаи: там полно бессовестных болливудских хищниц! — Она понизила голос, не желая, чтобы их услышали.

— Между прочим, нашему сыну двадцать пять лет, у него свое дело, и он как-то справляется, — пожал плечами Вивек.

— Пора открывать шампанское и произносить тосты. Кева опасается, что бабушка устанет, если мы заставим ее ждать, — вздохнула Самина. — Если Ари не появится в течение десяти минут, я попрошу начинать без него.

— Я же сказал, что сейчас будет... — Вивек широко улыбнулся своему любимому сыну, входящему в комнату. — Твоя мама, как всегда, поднимает панику, — добавил он, тепло обнимая Ари.

— Ты обещал быть на вокзале, мы прождали целый час! — нахмурилась Самина, отлично понимая, что не сможет долго сопротивляться обаянию своего отпрыска.

— Прости, мамуля. — Ари нежно взял ее за руки и торжественно улыбнулся. — Меня задержали срочные дела, и я пытался дозвониться, но твой мобильный, как всегда, отключен.

Ари с Вивеком заговорщически переглянулись. Неумение Самины пользоваться мобильным телефоном всегда было в семье поводом для шуток.

— Как бы то ни было, я здесь. Я что-то пропустил? — Ари обвел глазами комнату.

— Нет, к счастью, у Анахиты столько гостей, что она не заметила твоего опоздания, — ответил Вивек.

Повернувшись к основательнице рода, гены которой передались ему через поколения, Ари заметил на себе испытующий взгляд.

— Ари, ты все-таки решил к нам присоединиться, — улыбнулась Анахита, — подойди и поцелуй свою прабабушку.

— Может, твоей бабушке и сто лет, но она все замечает, — прошептала Самина Вивеку.

Анахита протянула к Ари хрупкие руки. Толпа расступилась, и все глаза обратились на него. Молодой человек подошел к имениннице, опустился на колени и склонился в глубоком поклоне, ожидая благословения.

— Прости, что опоздал, нани¹, мне пришлось проделать долгий путь.

Анахита посмотрела ему в глаза так пристально, словно хотела заглянуть прямо в душу.

— Ничего, — ответила она, легко прикоснувшись тонкими иссохшими пальцами к щеке внука. — Хотя я всегда считала будильник чрезвычайно полезным изобретением, — добавила она почти шепотом, исподтишка подмигнула ему и показала, чтобы он встал. — Поговорим с тобой позже. Кеве не терпится начать церемонию.

— Да, нани, — залившись краской, ответил Ари, — с днем рождения!

Возвращаясь к родителям, молодой человек недоумевал, откуда прабабушка знает причину его опоздания.

Дальше все шло по плану. На правах старшего внука Анахиты Вивек произнес прочувствованную речь о ее замечательной

¹ Нани — уважительное обращение к старшей родственнице в Индии.